

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНГЛО-РУССКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Е.Г. Гарбузарова – аспирант

Анализируется геополитическое противостояние между Россией и Великобританией в Центральной Азии в XIX в.. В этот период именно геополитические факторы играют доминирующую роль в политике между государствами.

Ключевые слова: геополитические аспекты; англо-русское соперничество; Средняя Азия.

Как показывают этнография и история, государство развивается на пространственной базе, все более и более сопрягаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством.

Ф. Ратцель

Период англо-русского соперничества в мировой истории, так же как в истории отдельных

регионов – это насыщенный этап фундаментальных сдвигов в геополитическом и государствен-

ном устройстве. Эти сдвиги прямым и косвенным образом затронули государства и народы Средней Азии. Среднеазиатские участки земли, отдельные ее области приобрели идейное и смысловое значение в процессе противостояния держав. Регион характеризуется жесткими географическими параметрами, но, тем не менее, обладает стратегическими торговыми путями и перекрестками, с различными народностями и племенами, имеющими своеобразную культуру и характер. Эти факторы являлись основными составляющими, которые необходимо было принять во внимание для достижения геополитических целей. Следовательно, среднеазиатские территории приобретали особую функциональную нагрузку в процессе англо-русского соперничества.

Россия – сухопутная держава XIX в., разбившая Наполеона, но, по воле обстоятельств, проигравшая в Крымской войне, бросила вызов могущественной морской державе – Великобритании. Столкновения держав, которые до этого существовали только на море, начинают распространяться на суше, что приводит к качественным изменениям функций территории и придает стратегическое значение сухопутным путям. “Весь цивилизованный мир взволнован ныне ожиданием самых грозных событий. Готовится столкновение между Россией и Англией... Вместе со страшными событиями... надвигается и полная неизвестность будущего” [1: 69].

По мнению В.И. Максименко, “...с геополитикой мы имеем дело там, где некоторым образом устойчиво пересекаются сферы географии, политики, экономики и войны” [1: 68]. Очевидно, что все эти сферы пересеклись в англо-русском противостоянии, что и предопределило дальнейшее развитие данного процесса. Раскрывая более детальный смысл данного утверждения, автор отмечает: “речь идет об отношении территориально-политических образований, хозяйственной деятельности человека и войн, которые ведут человеческий род к более или менее неизменным на протяжении нескольких тысячелетий географическим переделам суши и моря” [1: 68]. В итоге, на евразийском континенте к концу XIX в. образовалось обширное по своим географическим размерам государство, часть которого теперь находилась в Средней Азии.

Девятнадцатый век озаменовал собой начало новых приоритетов, где географический фактор играл доминирующую роль. Основателями этих приоритетов была английская и русская геополитика, геополитика сильнейших в

мире государств, которые обладали активными механизмами для ее реализации. Эти две концептуальные модели стали классическими образцами геополитического мышления. «Борьба за контроль над материковой сердцевиной мира, по крайней мере, на сто лет противопоставила ведущее континентальное – “осевое” государство – Россию, и то государство (Англию), которое, благодаря опережающим возможностям машинного переворота в производстве, обеспечило себе в XIX в. мировое лидерство в области морских коммуникаций» [2: 220].

Однако в XIX в. речь шла не о морских, а о сухопутных коммуникациях. К этому моменту в результате промышленного переворота в Англии, а затем и в России был создан тот экономический фундамент, на котором основывалось все капиталистическое общество. Взаимоотношения между державами определились получением максимальной экономической прибыли от материковой сердцевины мира именно там, где сухопутные линии становились более перспективными. “Прогрессировавшее со времен первой промышленной революции освоение все новых рубежей коммуникационного единства планеты в результате постоянного возрастания скорости перемещения в пространстве людей, товаров, капитала и информации, стало материальной основой новоевропейских устремлений к мировому господству, основой столкновения миродержавных волей” [2: 220]. Среднеазиатский сухопутный регион стал приоритетным вектором во внешней политике России и Великобритании. В XIX в. физико-географические характеристики среднеазиатского региона приобретают важнейшее стратегическое значение в силу наличия ряда следующих компонентов: обширность пространства, богатые природные ресурсы и исторические трансконтинентальные пути. Все эти кардинально значимые факторы задавали тон и геополитические параметры международной жизни Средней Азии.

Англо-русское соперничество, которое первоначально началось на Востоке, постепенно приближалось к ханствам Средней Азии, где столкнулись геополитические, стратегические и торговые интересы России и Великобритании. Обе державы рассматривали регион как жизненно важную географическую перспективу. Однако стратегические возможности были открыты не только благодаря англо-саксонскому и немецкому геополитическому мышлению. Из поля зрения не следует исключать то фундаментальное историческое обстоятельство, когда “во второй половине

XIX в. – начале XX в. русские географы, востоковеды, профессиональные военные, отвечая на вызов времени, перед которым стояла Российская Империя, сформулировали и обосновали целый ряд идей, которые отчасти были компилированы и усвоены западной геополитической мыслью, отчасти похоронены под грузом исторических обстоятельств ушедшего века” [3: 58].

Среди выдающихся российских геополитиков того времени следует отметить М.И. Венюкова, который подтверждал геополитическую значимость среднеазиатского региона и настаивал на включении этих территорий в состав России. Он выдвинул теорию естественных границ. Данная теория объясняет поступательное движение в регион как естественный ход развития истории человечества для восстановления и распространения арийской расы [4: 71–80]. М.И. Венюков утверждал, что “естественные границы” России лежали по Гиндукушу, Балху и Бадахшану. Значит, “новые территории, приобретаемые русскими, являются в полном смысле слова продолжением России” [5: 49]. Так как Россия исторически призвана жить со степным народом, как утверждает известный историк Л.Н. Гумилев, в симбиозе, то именно российская культура дополнит и обогатит культуру степных кочевников. Л.Н. Гумилев отмечает, что восточные славяне и тюрки-степняки кыпчакской языковой подгруппы образуют единый евразийский суперэтнос [6: 543].

Более того, М.И. Венюков утверждал: “Девятнадцатый век есть окончательного раздела земной суши между большими народами” [7: 124]. Следует правильно оценить ситуацию и задуматься, имеет ли Россия все, чтобы “государственная и национальная область наша могла считаться естественным целым, что всякая прибавка к нему или отвержение от него той или другой местности влекли за собою существенный ущерб для интересов народа русского” [7: 124]. В “Исторических очерках” М. Венюков определил общий смысл территориальных задач, которые стояли перед Россией в деле окончательного определения своих границ в Средней Азии, где он считал необходимым движение вперед и установление более удобной границы для охраны от вторжения “хищников с юга” [4: 71–80].

По мнению М.И. Венюкова, Россия, начав завоевание региона от рек Урала и Иртыша, уже не могла остановиться до самых границ Гиндукуша и Хорасана, поскольку между этими пределами нет ни естественно-природных границ,

ни территорий, способных содержать большие массы европейского населения; именно такие территории и могли бы быть естественными государственными границами [8: 140].

Среди британских видных политических деятелей XIX в. особо следует отметить Джона Роберта Сили. Его убеждения в необходимости расширения территорий Английской империи резко подпадают под геополитические характеристики. Сили уверяет, что присутствие англичан в Канаде и Австралии несколько не расширит Британскую империю и, соответственно, не поможет создать Великую Британию. Примером тому служат греки, которые, помимо Греции, населяли Сицилию, Италию и Западный берег Малой Азии. Это не придало грекам никакой силы и, во всяком случае, не принесло реальной помощи при нападении и захвате их Македонией. Это было всего лишь процесс роста нации, но не государства. А вот если Британия будет распространять за пределами своего государства не только английскую расу, но и авторитет английского правительства, то она сделается Великой. Сили утверждает, что Британия не похожа на великие империи Старого Света, такие, как персидская, македонская, римская и турецкая. Она похожа на них лишь своей обширностью, но не носит того насильственного военного характера, который обрекал большинство империй на быстрый упадок [9: 50–51]. Англии, по мнению Сили, достались самые лучшие туземные территории. Из Индии англичанам якобы удалось создать империю, а та, в свою очередь, заложила фундамент колониальной Британской империи [9: 54]. Утверждение Сили по поводу Индийской империи не соответствует реальности. Индия делала из Британии империю, но таковой сама не являлась, поэтому англичане боялись потерять “сердце” своей колониальной империи, что означало бы распад Великой Британии.

Заинтересованность Великобритании среднеазиатским регионом можно рассматривать с позиции основоположника британской геополитики Х. Маккиндера. В 1887 г. Маккиндер написал свою первую фундаментальную работу “О масштабах и методах географии”, которая была названа “классическим документом в истории развития британской географии” [10: 1–2]. В этой работе Маккиндер подчеркнул, что “рациональная” политическая география была основана и явилась результатом физической географии. “Везде, – писал он, – политические вопросы будут зависеть от результатов физических ис-

следований”. Функция политической географии состояла в “выслеживании последовательного процесса взаимодействия между человеком и природой”. “Эта природа”, – объясняет Маккиндер, – включает “конфигурацию земной поверхности”, климат и погодные условия, а также наличие или отсутствие природных ресурсов [11: 213, 214, 217]. В этой работе Маккиндер упоминает четыре основные идеи, которые являются ключевыми в понимании его геополитических взглядов и последующих работ:

1. Согласно точке зрения Маккиндера, основной целью географа было “взглянуть в прошлое, чтобы истолковать настоящее”.
2. Он заметил, что великие географические открытия человека приближались к концу; оставалось несколько “белых пятен на наших картах”.
3. Маккиндер выделил два вида политических завоевателей: “волки земли” (land-wolves) и “волки морей” (sea-wolves).
4. Он отметил, что технологические достижения помогут расширить “размеры современных государств” [11: 211, 218, 236, 237].

Именно на основе этих четырех идей Маккиндер в последующем сформулировал свою знаменитую глобальную теорию.

В 1902 г. Маккиндер закончил свою вторую главную работу “Британия и британские моря”, в которой он представил картину физических характеристик и условий Британии, ее стратегическую географию и имперские устремления. В книге он описал Великобританию как “Европу, но все же не в Европе”, и отметил значительную удаленность “от берегов большого континента” как особенность расположения. Лидерство Британии в мире опиралось на ее “господство на море”, – писал Маккиндер, – потому что “единство океана – простой физический факт, лежащий в основе доминирующей ценности морской власти в современном мире всего земного шара”. Маккиндер считал, что “формируется новый баланс сил”, который включал “пять ведущих мировых государств: Великобританию, Францию, Германию, Россию, и Америку”. Однако, полагал Маккиндер, позиции Британии как выдающейся мировой державы были подвергнуты опасности из-за “постоянных фактов физической географии” в форме “присутствия обширных Сил (Держав), основанных на обширных ресурсах значительной части континентов” (Россия и Соединенные Штаты. – *Авт.*) [12: 350–351, 358]. В XIX в. после падения наполеоновской державы и до расцвета Германской империи главной опасностью

для мирового лидерства Великобритании выступала Россия. Британская морская империя искала пути ограничения и сдерживания амбиций сухопутной державы – России. Эта геополитическая борьба с того времени стала именоваться “Большой игрой”. Россия расширяла свои территории, двигаясь на юг и на восток, приобретая обширные пространства и природные ресурсы. Вскоре это обширное пространство “было покрыто сетью железных дорог”, таким образом, значительно улучшилась мобильность и стратегическая досягаемость сухопутной власти.

По мнению Маккиндера, Средняя Азия является частью Хартленда – сердцевиной земли – и с древности оказывает влияние на мировую политику. Завладев Средней Азией, богатой природными и людскими ресурсами и обладающей развитой транспортной коммуникацией, государство откроет себе путь к мировому лидерству. Маккиндер отмечал, что «со второй половины XVI в. англичане начнут проникновение “на территорию огромного материка Азии”, которое будет осуществляться с юга». Однако, как отмечает В.И. Максименко, этот процесс будет осуществляться не только с юга, но и – поначалу даже главным образом – с севера. Осевое Русское государство займет в планах и практике английской экспансии в Азию место главного препятствия и главного объекта внимания [13: 62]. «В XIX веке англичане, опираясь на силу военного флота, стали “открывать” рынки на огромной полосе, окаймляющей Евразию с юга, и продвигаться в глубь континента. В результате английской торговой экспансии границы двух империй – Британской и Российской – стали быстро сближаться в срединной части Азиатского материка. К тому времени и к тем обстоятельствам относятся знаменитые слова генерала М. Скобелева: “Мы... не ищем чужих земель в английских колониальных пределах, простершихся в Азии от Тегерана до Пекина, но и не позволим английскому штыку блестеть в долинах Ферганы и Коканда” [14].

Историческая ретроспектива доказывает, что среднеазиатское пространство интересовало многих завоевателей. Некогда татаро-монголы, завоевав этот регион, создали гигантскую империю и стали господствующей силой на евразийском континенте. Чингисхан и его полководцы впервые показали геополитическое значение Средней Азии. “Завоевав Китай, великий хан Монголии повернул на Запад и уже к 1221 г. стал хозяином Средней Азии. И именно оттуда монгольские войска развернули наступление сразу

на двух, причем противоположных, направлениях – на север и юг. Сам Чингисхан с основной массой войска вышел через Афганистан к берегам Инда, а один из его крупных отрядов, пройдя через Ширванское ущелье, в обход укрепленных Дербентских ворот, – на Северный Кавказ. Захват северокавказской позиции (при движении со среднеазиатского плацдарма) сразу открыл монголам новые военно-стратегические возможности: они оттеснили северокавказские племена кипчаков (половцев) в междуречье Волги и Дона, разграбили Крым, в 1223 г. нанесли поражение соединенным русско-половецким войскам у реки Калки (нынешняя Донецкая область) и двинулись к слиянию Волги и Камы на разграбление Булгара” [14]. К концу XIX в. Россия заняла место монгольской империи, получив исключительно выгодное геополитическое положение, что противоречило основным интересам Великобритании в регионе. Обретя столь перспективные позиции, Россия могла угрожать всем своим гипотетическим противникам и влиять на ход международных событий. Самое главное – был найден мощный механизм давления на принципиальную Великобританию.

Маккиндер выдвигал версию о движении России в “индийском” направлении, где и должно произойти столкновение интересов России и Великобритании. «Маккиндер опасался, что Россия может захватить Дарданнеллы, прибрать к рукам Османскую империю и выйти к Индии – этой “жемчужине Британской империи”. Подобные мысли довели над английской практической политикой и над ее теоретическими умами. Россия, утверждал Маккиндер, стремится к овладению прибрежными странами с незамерзающим морем. Английское же господство основано как раз на владении прибрежными странами Европы: изменение соотношения сил в прибрежных странах должно подорвать позиции Великобритании» [15: 60]. Маккиндер считал, что британский внешнеполитический вектор должен охватывать территории Средиземноморья, Ближнего Востока, Индии и Юго-Восточной Азии плюс опорные пункты в Китае. Совокупность этих территорий обеспечит поддержку британскому мировому господству.

Тем не менее, ожидания Маккиндера не оправдались. Рост российского влияния в Средней Азии кардинально изменил основы международного порядка, заложенного Венским конгрессом, и лишил Великобританию возможности достичь первенства и своих геостратегических

императивов. Этот исторический момент Маккиндер оценивает следующим образом: “Ко времени победы Германии во франко-прусской войне 1870–1871 гг. никто еще не бросал вызов превосходству Британии на морях, и единственной опасностью для ее заокеанской империи была тогда позиция России в Азии”. В то время “лондонские газеты в каждом слухе из Константинополя и каждом волнении племен Северо-Западной пограничной провинции Индии видели доказательство русской интриги. Господство Британии на море и России – на континенте находилось в центре международных событий” [16: 57].

Вскоре территориальные сферы влияния были поделены между соперничающими державами. Именно России было суждено выйти геополитическим победителем из столь затянувшегося конфликта, в результате которого Средняя Азия была присоединена к России, ставшей хранителем историко-культурных центров среднеазиатского региона и ключевой фигурой в направлении его политического развития.

Войны удалось избежать и геополитическое противостояние XIX в. закончилось обоюдным разграничением на Памире. Россия достигла ведущего положения в Средней Азии, и в этом качестве противостояла имперским притязаниям Великобритании. Благодаря усилиям России, которые были направлены на поиск новых путей нормализации отношений с Великобританией, удалось возобновить механизм разрядки среднеазиатской напряженности и определить новое место Средней Азии в общемировых евразийских делах.

Литература

1. *Максименко В.И.* Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. – 2000. – №4.
2. *Максименко В.И.* Координаты современности (К дискуссии о “постсовременном мире” на страницах журнала “Восток”) // Восток. – 1998. – №4.
3. *Максименко В.И.* Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. – 2000. – №5.
4. *Ремнев А.В.* Центральноеазиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М.И. Венюкова // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: Материалы семинара «Безопасность в “контактных зонах” Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитиче-

- ских напряжений». – Барнаул, 26–27 февраля, 2002.
5. *Лурье С.В.* Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья // Восток. – 1993. – №3.
 6. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: Айрис-пресс, 2004.
 7. *Венюков М.И.* Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет. 1850–1880 // Русская мысль. – 1880. – №4.
 8. *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб., 1877. – Ч. 1.
 9. *Seeley J.R.* The Expansion of England. Two Courses of Lectures. – Macmillan and Co. limited St. Martins. – London, 1914.
 10. *W. H. Parker; Mackinder: Geography as an Aid to Statecraft.* – Oxford: Clarendon Press, 1982.
 11. *Halford J. Mackinder*, “On the Scope and Methods of Geography”, in *Democratic Ideals and Reality.* – New York: W. W. Norton & Company, 1962.
 12. *Halford J. Mackinder.* Britain and the British Seas. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1969; originally published 1902 by D. Appleton and Co.
 13. *Максименко В.И.* Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. – 2000. – №1.
 14. *Максименко В.И.* Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства // [www.analitica.org / article.phpstory](http://www.analitica.org/article.phpstory)
 15. *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика. – М., 2007.
 16. *Максименко В.И.* Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. – 2000. – №1.